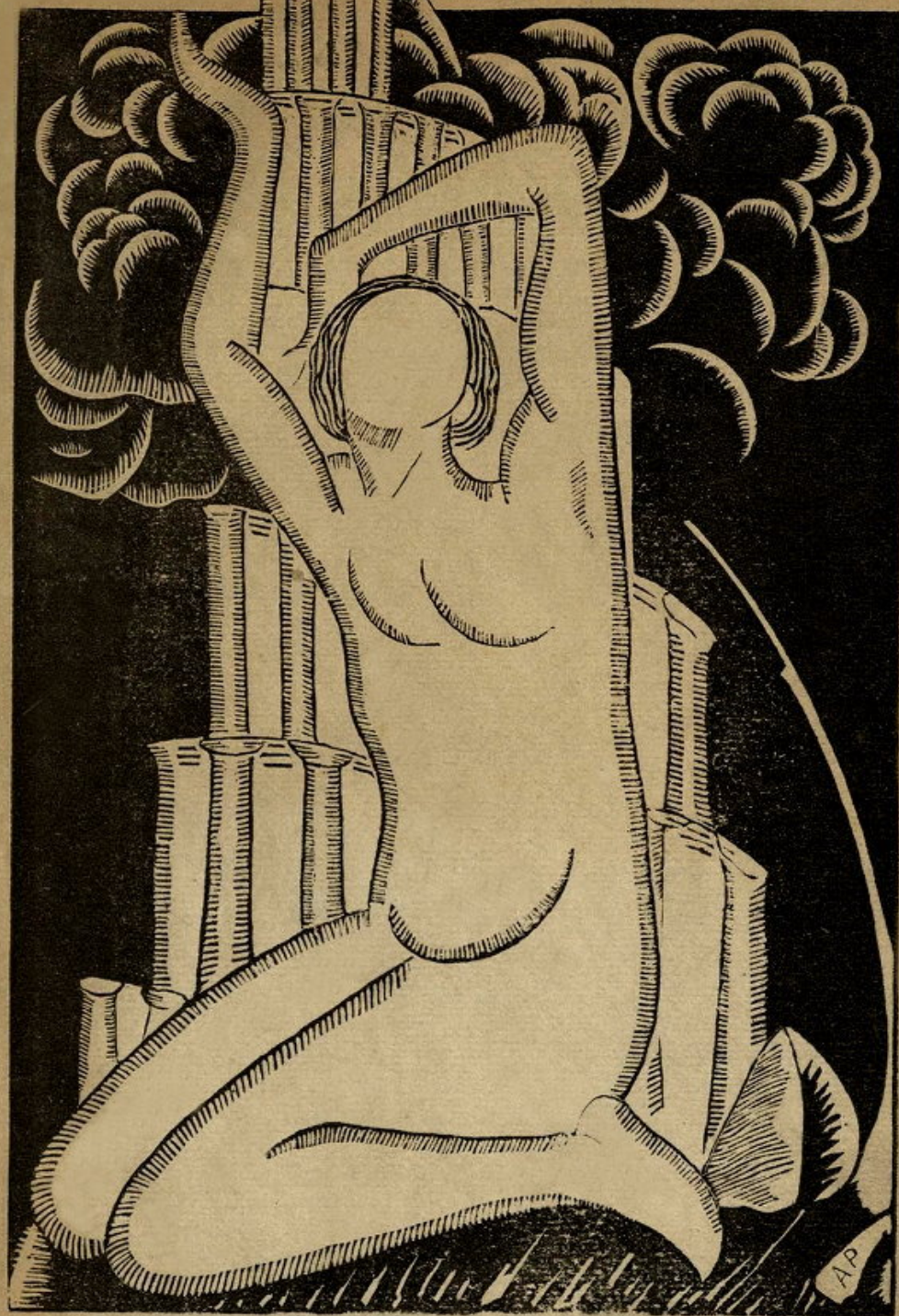


АЛЕКСАНДРЪ АРХАНГЕЛЬСКИЙ



ЧЕРНАЯ ОБЛАКА.

# *Scriptorium*



**Александр  
АРХАНГЕЛЬСКИЙ**

# **ЧЕРНЫЕ ОБЛАКА**

**Salamandra P.V.V.**

## **Архангельский А. Г.**

Черные облака: Стихи. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021.  
— 104 с. — (Scriptorium).

В издании полностью воспроизведен единственный сборник лирики знаменитого пародиста А. Архангельского (1889-1938) «Черные облака» (Чернигов, 1919). Также включены стихотворения Архангельского из редкого коллективного сборника «Конь и лани» (Ейск, 1921) и письмо к нему Н. Гумилева.



# **ЧЕРНЫЕ ОБЛАКА**

АЛЕКСАНДРЪ АРХАНГЕЛЬСКИЙ.



ЧЕРНЫЯ ОБЛАКА.

**I.**



## ВОЙНА.

Гляжу в безумство мировое,  
Испуганный, едва дыша.  
Где слово Господа живое?  
Где окрыленная душа?

Чудовищны автомобили,  
И страшен скрежет их и вой,  
Когда они в дыму и пыли  
Ползут-ползут по мостовой.

1914.

Спускается на землю мгла,  
На сердце — тайная тревога.  
Душа безмолвна и убога  
В объятиях земного зла.

О, ночь! О, тонкая игла  
Напоминающего Бога  
О том, что трудная дорога  
Пред всеми — равная легла!

1914.

## НА ВЗЯТИЕ ПЕРЕМЫШЛЯ.

В вечерней мгле сияют вензеля.  
Играет музыка. Трепещут флаги.  
Скупая дань безумству и отваге  
Твоих сынов, ослепшая земля.

Воистину, взлетая, отупеть  
Нам суждено от жалкого восторга,  
Когда вокруг чудовищного морга  
Еще мы можем танцевать и петь,

А бог войны бесчувственный и глупый  
Для утоленья жажды тянет кровь,  
Пятою тяжелой придавив любовь.  
И пляшет Смерть. И всюду — трупы... трупы...

1915.

Схватили руками грязными  
И по улицам волокут.  
Защищаю речью бессвязной  
Твою святую тоску:  
Эй, вы, обезьяны ученые,  
Всеобщие палачи!  
Кому поднесете короны  
И тюрем ваших ключи?  
Кого предадите анафеме?  
Каких призовете варяг?  
Чьей пролитой кровью на плахе  
Окрасите белый флаг?

Задыхаюсь от боязни.  
Мне не милы жизни дни.  
Если мы достойны казни —  
Ты скорее нас казни.

Перед жертвенною чашей  
Скрытой Господом во мгле,  
Я молюсь о жизни нашей  
На мучительной земле.

## УСТАЛАЯ СМЕРТЬ.

Стучался кто-то у порога —  
Не знал я: недруг или друг.  
На миг в груди вздохнул испуг,  
В тоске помедлил я немного  
И отпер дверь.  
И замер —  
Смерть!

Вошла она и стала рядом.  
Коснулась трепетно рукой  
Моей руки и мой покой  
Окинула усталым взглядом:  
— Не бойся!  
Я не за тобой.  
Укрой меня! Я перестала хотеть  
И больше не могу. Ищу покой.  
Бегу, бегу! Я так устала!

Укрой глаза от злых пожарищ,  
Слух от рыданий матерей.  
От сумасшествия царей  
Спаси, спаси меня, товарищ!

От смрадных тел и дымной крови  
От исковерканных калек!..  
Мне страшен, страшен человек!  
Весь мир меня в безумьи ловит!  
Спаси!..  
Укрой!..

. . . . .

Стучится кто-то тихо-тихо.  
Не просыпается испуг.  
Пускай стучится — враг иль друг,  
Усталый путник иль волчиха, —  
    Я запер дверь.  
    Я спрятал Смерть!

1916.

В те дни, когда бесилась нежить,  
Водою проливая кровь,  
Неслышно проводила меж  
Для нас нетленная любовь.

Как было трудно! Длились миги,  
Столетием казался час.  
Ни одиночество, ни книги  
В те дни не охраняли нас.

Но каждый пел, смеясь и плача,  
И каждого кропила кровь.  
И век грядущий обозначил  
Свою мучительную новь.



Протяжны по-прежнему свисты.  
Заунывны зовы тоски.  
По-прежнему сны ненавистны  
Сжимают в тисках виски.

Кругом кошмарные лица,  
Границы тюремных стен.  
Сердце, как дикая птица,  
Впервые попавшая в плен.

## ОТСТУПЛЕНИЕ.

На скатерть белую стола  
Слезинки упадут...  
Я знаю — скоро скроет мгла  
Тех, что в пути идут.  
Идут они торопливо,  
Озираются по сторонам:  
Что за дивное диво  
Выпадает на долю нам?  
Воевать не хотим — воюем,  
Уходить не желаем — идем.  
Подскакивая, — аллилуйя —  
Потихоньку поем.  
А самый молоденький  
На деревне воды попросил.  
Воды попросил —  
Кровью землю оросил.

Я не знаю мучительней ночи  
И тревоги не знаю ярчей:  
Иступленное пенье рабочих  
О свержении всех палачей;

Нарастание ярости дикой  
Там, где смотрит циклопом вокзал;  
Покрывающий пенье и крики,  
Сухой, зловецкий залп...

Тоской в зоологическом саду  
Я в посещение каждое ужален.  
Звериный рев так грустен и печален  
Так монотонен жалкий какаду!

О, жертвы в человеческом аду,  
Где праведники — котелки и дамы, —  
Не ведая, какие в клетках драмы,  
Стоят, глаза, и чего-то ждут.

1914. Петербург.

Мы исчисляем сроки,  
Измеряем глубину.  
А Он с высоты, далекий,  
Улыбается нашему сну.

Тот же клюв клюет сердца нам.  
Врачует нас тот же врач.  
Мы слагаем молитвы ранам  
И певучий плач.

И пускай наши скорби ниже  
И усталее сердца —  
Мы, созидатели, ближе  
Сокровенной тайне Творца.

## ПРОРОК.

Душа ждала, томилась и ослепла —  
Не видит больше мира своего.  
А там вверху, как будто бы из пепла,  
Плывут-плывут посланники Его.

То облака плывут в игре веселой,  
Но влаги милой и желанной нет,  
И солнце шлет усталый, серый свет,  
Бесплодный свет на города и села.

На площади затерянный пророк  
Вопит безумно о грядущем страхе:  
— О, жалкие! Прозрите! Вы на плахе!  
Свершается! Уже исполнен срок.  
В полях бесплодных голод и чума  
Решают спор о первенстве и власти! —

А мертвецы исполнены участия:  
— Несчастный! Он сошел с ума!

Бог справедливости утешен,  
Свое справляя торжество:  
Беглец на дереве повешен  
В ночь под Христово Рождество.

Но что же? Звезды не погасли,  
Волхвы не изменили путь,  
И пастухи стоят у яслей,  
Не смея в тишине вздохнуть.

Покорное притихло стадо.  
Лишь нежный звякнет бубенец...  
Прости, Господь! Ужели надо,  
Чтоб в эту ночь погиб беглец?

## ШАБЛОН.

За городом — сад городской, больница,  
Казармы, кладбище и тюрьма.  
Все настоящее, и не снится;  
Но люди живут и не сходят сума.

Но людям не страшен этот жребий  
От рождения до похорон...  
И после смерти их ждет на небе  
Все тот же старый, земной шаблон.



Еще поединок не кончен,  
И падают грузно тела,  
Но вижу — все тоньше и тоньше  
Раздора кровавая мгла.

Все громче и яростней клики  
Сходящихся в битве тесней.  
Но лирников тонкие лики,  
Как песни о мире ясней.

И ты, удручаемый кровью,  
О мире молясь, улови,  
Что снова нам светит любовью  
Нетленное Солнце Любви.

**II.**

Я прикоснусь к тебе алмазно  
И в сердце, где властитель мрак,  
Где двух начал борьба бессвязна,  
Любви своей оставлю знак.

Двенадцать снов душе приснилось.  
Я встал — тринадцатый — пошел  
Искать ресниц душистый шелк,  
Награду сердцу, Божью милость.

Сказал мне Бог: себя готовь  
Страданиям, ужасу, молчанью.  
Иди, немой, за дальней данью,  
Ищи последнюю любовь.

1916.

Не позовет, не засмеется.  
Но глянет молча, не любя.  
И сердце в песни перельется  
И в песнях обретет себя.

Суровая проснется злоба,  
Тяжелые приснятся сны.  
О, если б не любили оба  
В дыханьи призрачной весны!

1917.

Я отравлен смертельным ядом,  
Небывалым бредом любви.  
Ожидающим, серым взглядом  
Посмотри, пронзи, позови!

Позабылися все названья,  
Перепутались все пути.  
Только милые дни свиданья  
Мне легко любить и нести.

1917.

О, старая, старая сказка,  
Трагедия с жалкою ролью!  
Скрывает веселая маска  
Лицо, искаженное болью.

Никто, никогда не узнает  
Тоску невозможных желаний —  
Как Эрос мучительно ранит,  
Как душу любовь распинает!

И в час одиночества поздний,  
Когда все пути неизвестней,  
В ладони вбиваются гвозди —  
Тяжелые, темные песни.

1917.

Ты тщетно желанье неволишь  
И смотришь сурово.  
В сердце печальном  
Одно лишь старинное слово.

Заветное, милое слово —  
И с ним не опасно.  
Напрасно ты смотришь сурово!  
Напрасно!...

1915.



Я не желаю невозможного,  
Я слишком малое хочу —  
Делить молчание дорожное  
С тобой вдвоем — плечо к плечу.

И опьяняться мыслью сладкою,  
Что возвращенья нет назад,  
Что впереди опять загадку —  
Желанный сердцу Петроград!

## ОБРЕЧЕННОСТЬ.

Затянули петлю туго,  
И никак не развязать.  
Смотрим, смотрим друг на друга,  
Обезумели глаза.  
А из пламенного круга  
Опускается гроза.

Но грозы не слышно грома,  
Ярких молний не видать, —  
Чтоб могли мы оба — дома  
В тихой темноте рыдать.  
Не часы — недели, годы  
Сокрушаться во плену.  
Наше чаянье свободы  
Тонкой ниткою тянуть.

Когда расходятся пути,  
И те, кто были раньше вместе  
Друг другу посылают вести  
С припиской горестной: прости, —

О, как тогда томит сердца  
Разлуки тягостное бремя:  
Пространство мертвое и время,  
Не ведающее конца!

## РАЗЛУКА.

### I.

Не помышляем о разлуке.  
Еще ласкаем, не спеша,  
Сердца, но близится, круша  
Все на пути, как зверь сторукий,

Неотвратимая тоска,  
Неумолимая разлука.  
И слезы, и печаль, и мука,  
И зов последнего звонка.

### II.

Змей вихреносный рельсы режет.  
В вагоне душно и темно.  
На миг умолкнет вопль и скрежет,  
На миг осветится окно.

Видением — телеграфист,  
Склонившийся у аппарата...  
И снова колокол и свист.  
И снова мчимся: нет возврата.

И монотонное качанье,  
И одинокое мерцанье  
Тоской колеблемой свечи,  
Вспоминанье... бормотанье...  
Засни... усни... молчи... молчи...

Что, если правда: нет возврата,  
А только мчанье без конца?  
Во мглу молчашую, куда-то,  
Где нет любимого лица?

Виктории С.

Здесь все мертво, туманно, сыро.  
Воспоминаний тишина.  
Воспоминаний паутина.  
Любовь усталая — жена.

Опять я в снеговых пространствах,  
В подвалы памяти проник.  
Усталые томят страницы.  
Устало говорит дневник.

Вернись! Вернись! Изнемогаю...  
Творец поет. Рыдает Тварь.  
Воспоминаний паутина,  
И муха мертвая — Январь.

1 Января 1917.

Вот сумасшествие поэта,  
Ночей бессонных лживый яд!  
Прикосновение пистолета,  
Из зеркала безумный взгляд.

Одно нажать и... довольно.  
Но испытанию нет конца.  
И выносить мне дольше больно  
Взгляд искаженного лица.

Я отхожу и в страхе вою,  
Кусаю пальцы и кричу:  
— Кто сделал жизнь мою такую?  
Я не могу и не хочу!

Ответь! Ответь! — Но нет ответа.  
Все тот же плавает туман,  
Да в нем дымок от пистолета  
И кровью смоченный диван.

1914.

## РАСПЯТИЕ.

Половина четвертого или пятого?  
Ночи или дня?  
Ты хочешь видеть распятого?  
Посмотри на меня.

В этом теле душа дрожащая,  
Как струна.  
В этом доме — одна тишина  
Зловеще молчащая...

Не слышно ни стонов, ни жалоб.  
Ночи? Дня?  
Смерть!  
Вонзи свое жало в меня!

1915.



О, город жуткий! Мимо! Мимо!  
Тебя бегут мои года.  
Разыгранная пантомима  
Не будет больше никогда.

Еще могу, вдыхая сырость,  
Смотреть на блеск твоих огней,  
Но дух мой обнаженный вырос  
В шуршании змеиных дней.

Какие перед ним виденья  
Прошли! Какой кровавый свет!  
И что ему теперь паденья,  
Свершенные в семнадцать лет!

Все, что когда-то, как угроза,  
Висело над крестом моим,  
Сейчас, под вздохи паровоза,  
Припоминается чужим.

1915 г.  
Ростов-Дон. Поезд.

Пане.

Едва вздохнул — уже далече  
Кубань и дремлющий Темрюк.  
Но поцелуй, пожатые рук,  
Но слезы счастья, слезы встречи,  
Нежданной встречи — все со мной.

Люблю тебя. Тебе одной  
Тоскующего сердца думы.  
Пусть океан войны, угрюмый,  
Бьет в берег новою волной,  
Грозит страданием безмерным —  
Свет жизни в сердце не погас.

Люблю тебя, как в первый раз,  
И до конца пребуду верным!

1915.

## ОТШЕЛЬНИК.

Мне далеки весны забавы.  
Мой дом печальный на краю.  
Не для людских похвал и славы,  
Я песни горькие пою.

Но если ты, мой гость случайный,  
Ко мне, смеясь, откроешь дверь,  
В моей душе проснется тайный,  
Давно-давно уснувший зверь.

Я укушу, целуя, руку,  
Сдавлю холодное плечо.  
И ты почувствуешь по стуку,  
Как это сердце горячо.

И ты еще почувешь смутно,  
Услышав мой звериный плач,  
Увидя взгляд безумно-мутный,  
Что жертва я и ты — палач!

## РОНДЕЛЬ.

Забыть влюбленности затей  
Я не могу и в злую зиму:  
Разыгранную пантомиму —  
И флейты звук, и стук костей,

И крик смеющихся детей,  
Влекомых к сказочному Риму.  
Забыть влюбленности затей  
Я не могу и в злую зиму.

Что в жизни может быть святей,  
Когда часы подобны дыму?  
Какой удар печальный Миму —  
В плену рассудочных страстей  
Забыть влюбленности затей.

**III.**

Как неустанная пчела,  
Жужжит и день, и ночь забота.  
И ты — не ты, а только кто-то,  
Над кем жужжит, жужжит забота —  
Неотгонимая пчела.

1914.

Не я один раздавлен светом  
И падаю в глухую ночь!  
Шепчи, шепчи свое, пророчь,  
Иди по улицам скелетом.

Не всем понятен будешь ты,  
И у глупцов улыбок много,  
Когда покажешь им цветы  
Тебе подаренные Богом.

1916.

## ТРИОЛЕТЫ.

### I.

День отошел, звеня тоской.  
Зажегся снова свет вечерний.  
Как вор, похитив мой покой,  
День отошел, звеня тоской.  
И я дрожащею рукой  
Крещу венок из острых терний.  
День отошел, звеня тоской.  
Зажегся снова свет вечерний.

### II.

Зажегся снова свет вечерний  
И тихий свет моей души.  
Удары сердца равномерней —  
Зажегся снова свет вечерний.  
Там где-то шумный ропот черни,  
А здесь, в молчаньи и в тиши,  
Зажегся снова свет вечерний  
И тихий свет моей души.



Когда были розданы роли,  
Мне не моя досталась.  
Принял чужую усталость,  
Чьи-то тяжкие боли.

Но играю покорно,  
И страдальчески сердце бьется.  
А там, другой, притворно  
Торжествует, любит, смеется!

1917.

Господь, прости! Господь, очисти!  
Мои грехи, актерство, ложь.  
Я муха в паутине истин,  
Испытывающая дрожь.

И каждый день — подобье казни.  
И каждый час — тоска, тоска!  
В тисках безумья и боязни  
Невидимого паука.

З. Давыдову.

Смеюсь на людях. Тайно плачу.  
Боль помню. Забываю ласку.  
И под плащом зачем-то прячу  
Кинжал и бархатную маску.

Безумства надоели позы,  
И мука на лице усталом.  
Ах! Разве маска скроет слезы?  
И разве боль убью кинжалом?

1917.

## СКИТАЛЬЦЫ.

Морозный ветер щеки колет.  
Ослепли души и глаза.  
Такой невыносимой боли  
Не смоем жгучая слеза.

От холода кусаем пальцы,  
Подпрыгиваем и поем.  
Не знаем, бедные скитальцы,  
Куда идем? Зачем идем?

Забыли мы свои жилища,  
Тепло родимого угла.  
Над нами ветер острый свищет  
И серая струится мгла.

И впереди — ни звезд, ни звука,  
Ни знака о конце пути.  
Какая боль! Какая мука —  
Слепым в слепую ночь идти!

Зачем обманывать себя!  
Не знаю больше: что я, где я!  
Больное сердце, холодея,  
Еще трепещет, но скорбя.

Бесчувственный, немой, иду,  
Несу тяжелые вериги —  
Людей, природу, песни, книги —  
Пока под ними не паду...

Никому не откроешь  
Души, молчаливо живущей,  
    Страданья.  
Дни ее золотого молчанья  
    Так мучительны  
    И хороши!

Все, что властно когда то влекло,  
И о чем горячо говорилось, —  
В этих днях золотых растворилось,  
В поле памяти трупом легло.

1914.

Какую тоску поведаю миру?  
Сниму ли тяжесть с усталых плеч?  
Из рук ослабевших выронил лиру  
И в руки принял картонный меч.

Удары сердца все громче, чаще.  
Тоска унылей и тяжелей...  
Не бойся, Боже, руки грозящей,  
И злую душу пожалей!

## СМЕРТЬ.

### I.

Мы знали — это конец.  
И больше не будет муки.  
Участливо чьи-то руки  
На труп возложили венец.

И голос женский сказал:  
(Такой зловещий и резкий!)  
— Задерните занавески! —  
И тише: — закройте глаза...

### II.

Плакали и причитали,  
Похоронные пели песни.  
Монашки псалтирь читали,  
Бормоча: воскресни, воскресни...

Покойник не шевелился.  
Покою смерти был рад он.  
Задыхаясь, тихо струился  
Синий, удушливый ладан...



## ПАДЕНЬЕ.

Какая мука невозможная  
Паденье в бред и пустоту!  
Ночь — до утра — тоска картежная,  
А днем костяшек четкий стук.

Как будто дни навек опутаны  
Бесплодем пошлости людской.  
Как будто недругу — минутами  
Сияет солнце надо мной.

И как-то тупо сердце мечется,  
Вдруг окрыляется и вот...  
Опять на плоскости калечится,  
Свой жалкий завершая взлет.

И в завываньи адской музыки,  
Я узнаю закон судьбы:  
С т а к и м я буду связан узами,  
До зова ангельской трубы.

1917.

## ОСВОБОЖДЕНИЕ.

Круг постылый дорисован,  
И запрятан клад зимы.  
И с дверей моей тюрьмы  
Сбиты ржавые засовы.

Светлый день освобожденья,  
Воскресенье всех надежд!  
Отчего ж не чую вежд  
Осторожного движенья?

Отчего же черствый хлеб  
Из котомки мной не вынут?  
Или жалко мне покинуть  
Мой приют невольный — склеп?

Но прощаюсь! Не спеша,  
Вывожу углем у входа:  
— Телу мнимая свобода;  
Здесь оставлена душа! —

1917.

«В час расставанья мы видим ясней».

Л е р м о н т о в.

В час расставанья, в час тревоги,  
Я вижу глубже и ясней —  
Какие трудные дороги  
Легли на переломе дней.

И как по ним, в безумном страхе,  
С мечом зазубренным в руке,  
Иду я в шутовской рубахе,  
В кроваво-красном колпаке.

Иду покорный и суровый  
До обетованных ворот.  
А там, за ними, будет новый,  
Уже небесный, эшафот!

1914.

**IV.**

## КАМИНУ \*).

О, мир! большой, настоящий,  
Обрученный одним кольцом!  
Среди обывательской чащи  
Улыбающееся лицо.

Догорели дрова и хворост,  
Растаял снежный посев.  
Теперь мы будем не скоро  
Читать стихи нараспев.

Но каждый, в пути отдельном  
Ведущий с Музою речь,  
Тот голос зимний, свирельный  
До гроба будет беречь.

1919.

---

\*) Н. Клеппер, Пане, С. Соколовской, О. Ферликовской, З. Давыдову,  
Ю. Иванову, А. Сказке, Н. Чиркову.

## СОНЕТ-АКРОСТИХ.

Роману Ефремову.

Разлукой злой разорван дружбы круг.  
Огни приветов погасило время.  
Мне выпало печальных странствий бремя,  
А ты остался дома, милый друг.

Но нас томил одной мечты недуг.  
Упорно мы бросали в землю семя.  
Его посев сберет иное племя;  
Финальный час прославит верных слуг.

Родных сердец сливая стук, победный,  
Единый нас благословит венец.  
Мечту земли несли мы не бесследно.

Обоим нам в пути один конец:  
Возжечь маяк над этой жизнью бедной,  
Увлечь к мечте любовь чужих сердец.

1919.

## ОТВЕТ.

С. В. Троцкому.

Нежным зовом прошумели  
Строки твоего письма...

Из туманных злых ущелий  
Вьется горных троп тесьма.  
По одной — твоя дорога.  
(Восхожденья сладкий путь!)  
Над тобой дыханье Бога —  
Раз вздохнуть, навек уснуть.  
А душа, как гор вершины,  
Белоснежна и нежна.  
И Венера — час единый —  
Взору твоему видна.

1916.

## В КОМНАТЕ ПОЭТА.

З. Давыдову.

Здесь тишина всегда глубока.  
Ровна, как лампона свет,  
Недвижна, как поэта Блока  
На письменном столе портрет.

Здесь вдохновлялся ты и плакал,  
Но не актерствуя, один.  
И над тобой будильник такал,  
Считая прах твоих годин.

Здесь, может быть, в чаду рассвета,  
Последний прочитавши стих,  
Ты громким треском пистолета  
Встревожишь сон любимых книг.

1916.



С. Соколовской.

Ты одна в большом, печальном доме.  
Ты грустишь по вечерам одна.  
И душе твоей всего знакомей  
Серая, слепая тишина.  
Знаешь ты тоску самосожженья,  
Смерть того, что память сберегла...  
Рук твоих усталые движенья  
Повторяют молча зеркала.

1916.

М. В. Я.

Много я знаю сердец, но такого не ведал донине.  
Ангельский взгляд у тебя — в сердце тревога и страх.  
Руки, дрожащие так, словно кто-то немилый целует;  
Узкие, в кольцах, они будто второе лицо.  
Сны да приснятся тебе о прошедшем — прекрасном  
и миллом,  
Я же прощенья прошу, если дурное сказал.

## СУМАСШЕДШИЙ.

Г. А. А-му.

Я был в забвении — ведом ныне  
Мне сладкой славы ореол.  
Да! Эго я Екатерине  
Парик особый изобрел.

Могу ль забыть восторга клики  
Придворных кавалеров, дам,  
Когда она, о, миг великий!  
Пошла со мною к их рядам.

И всем, кто гнул пред нею спину,  
С улыбкой говорила: — он  
Порадовал Екатерину,  
Евлампиев Виссарион.

Он изобрел парик прелестный,  
И в нем я всех красивей дам.  
За это я ему известный  
И самый лучший титул дам.

И вдруг — забил фонтан кровавый,  
Раздался выстрел, грянул гром.  
И я придворною оравой  
Был брошен в сумасшедший дом.

1916.

## ВИЗИТ

Опять звонок залаял.  
Вошел лениво Он.  
Визита скука злая  
Лилась со всех сторон.

Прямой, сухой и строгий,  
В калошах и пальто,  
Он стал шипеть о Боге  
И... логике Минто.

О новом символизме,  
О тайне естества.  
Как в ржавом механизме  
Цеплялися слова.

Один, другой и третий  
Уньло шли часы...  
Такой тоски на свете  
Не вешали весы!

1918.

## СНЫ.

### I.

Эта вьюга железными иглами  
Прокалывает нежную кожицу.  
В парикмахерской брили и стригли,  
И зловеще лязгали ножницами.

В парикмахерской возле Лагутина,  
В суррогатах всякой косметики,  
Парикмахер смеется и шутит,  
И уныло сидят поэты.

Но вот за стеклянной витриною  
Проскользила нетленная Лена.  
У обоих поэтов вынули  
Сознание постепенно.

Один прошептал: о, милая!  
Другой прохрипел: проклятая!  
И щеки обоих уныло  
Напудрила вата.

Эта вьюга железными иглами  
Прокалывает нежную кожицу.  
О, лучше б не брили и не стригли,  
И зловеще не лязгали ножницы!

1918.

## II.

Паровоз перерезал рельсы,  
Прохрипел, просвистел, растаял.  
Люди покорно сидели  
У мокрого куста.

Рыбаки закинули сети.  
Паруса надулись грузно.  
В фосфорическом, тихом свете  
Плавали большие медузы.

И вдруг — закричали чайки,  
Захлопали в ладоши люди!..  
Такого отчаянья,  
Я знаю, никогда не будет.

1918.

**v.**

**БЕНОК СОНОТОВ.**

**(1916-1919).**



*На сон души, давно забытой Богом,  
О, сердце милосердное, взгляни!  
Она хранит обманутые дни,  
Свое сокровище, в молчаньи строгом.*

*Ночь пологом висит над сырым логом;  
Во тьме ее всегда, всегда одни  
Забот глаза, слепых надежд огни,  
Как псы сторожевые пред порогом.*

*Вокруг лежат страстей земных гроба,  
Возносят к небу темный запах тленья.  
И жаждет смерть последнего мгновенья, —*

*Вот грянет гром, и грозная труба  
К желанной жизни призовет меня,  
И вспыхнет свет последнего огня!*

I.

На сон души, давно забытой Богом,  
Льет творческая тайна благодать.  
И сладко мне в тиши ночей рыдать,  
Тревожа сердце просьбой о немногом.

И сладко мне в пути моем убогом  
Хоть каплю крови настоящей дать.  
Не зверем бессловесным увядать,  
Но возноситься человекобогом.

И чувствовать, что ты — один, ничей,  
Летающий в высь, в молчании ночей,  
Терзаемый тобой творимой новью.

И что тебе стократный крик: распни!  
На них, неведающих, ты с любовью,  
О, сердце милосердное, взгляни!

## II.

О, сердце милосердное, взгляни  
Как страждет плоть в разрывах злой разлуки!  
Часы слияний горше крестной муки —  
Чем больше их, тем тягостней они.

Закон один: терзайся и кляни.  
Считай, скорбя, тоски глухие стуки,  
Целуй любовницы немиллой руки,  
В постылой страсти жертвою тони.

Когда на миг тебя коснется вечность,  
Когда на миг душа увидит рай,  
Лежи, недвижимый, плачь и замирай.

И вспоминая детскую беспечность,  
Вздыхай душой усталой и стони:  
Она хранит обманутые дни.

### III.

Она хранит обманутые дни—  
Бесплодие, болезни и утраты,  
Как черный дар, как темный знак расплаты,  
И Ты от них лица не уклони.

Когда в трубу возмездья прозвенит  
Твой вестник строгий, светлый и крылатый,  
Последним гневом огненным объятый,  
Ты душу вновь на землю не верни.

Она концу пути земного рада,  
И ей не страшен вечный пламень ада —  
Знакомый сон мучительной земли.

И Люцифер облечь пурпурным тогам  
Позволит всех, кто на земле несли  
Свое сокровище в молчаньи строгом.

#### IV.

Свое сокровище в молчаньи строгом  
От взоров жадных крепко охраняи.  
Пусть видят ночи и не знают дни  
Того, что скрыто за твоим порогом.

Ворвавшихся, незваных, низким слогом,  
Речей обычных мудро обмани.  
Не выдай тайны. Да уйдут они,  
И ты один веди беседу с Богом.

Один молись и знамения жди,  
Слагай стихи — души ночной цветенья,  
От злого мира крепкий щит спасенья.

Свирепый день убит Единорогом.  
Уж близок срок. Свершается: гляди!  
Ночь пологом висит над сирым логом.

V.

Ночь пологом висит над сирым логом,  
И тяжег гнет постылого труда,  
И давят плечи грузные года,  
И мнут мечты заветные о многом.

Но знаю я, что есть конец тревогам,  
Что есть покой — пасти свои стада,  
Вести туда, где травы и вода,  
И сладкий сон в тиши ночной под стогом.

Ночных часов глубока тишина,  
И в небе звездном много вещей знаков.  
Увидишь: с Богом борется Иаков...

И в трепете священном, встав от сна,  
Увидишь ночь и дальние огни —  
Во тьме ее, всегда-всегда одни.

## VI.

Во тьме ее всегда-всегда одни  
Огни любви — пути ночного звенья.  
И музыка, и отзвук дальний пеня,  
И голос нежный, шепчущий: усни.

То голос Твой. Он манит и пьянит,  
Взвевая пепел хладного забвенья.  
И жизнь встает, и вот опять видения —  
Святого детства золотые дни.

О, если б мне, несущему донине  
Свой крест тяжелый в горние края,  
На миг вернулась та любовь моя,

Что я развеял в мировой пустыне!  
Но бейся, сердце злое, и кляни  
Забот глаза, слепых надежд огни.

## VII.

Забот глаза, слепых надежд огни —  
Как много их! Как злы они и строги!  
Ужель они пути в Твои чертоги,  
Где ангельская музыка звенит?

Вся власть в Тебе. О, Боже! измени  
Тяжелые, неровные дороги  
И странников измученные ноги  
В источник твой прохладный окуни.

Воистину, достойны ласки неба —  
Чье знамя кровию твоей окроплено,  
Кто отдал все, кому взамен дано

В награду ждать ломти иного хлеба.  
Взгляни на нас! Мы ждем в молчаньи строгом,  
Как псы сторожевые пред порогом.



## VIII.

Как псы сторожевые пред порогом  
Хранят покой до первого луча,  
Когда о солнце петухи кричат  
И облака подобны красным тогам,

И ночь спешит по каменным отрогам  
Уйти к себе, туманов шлейф влача,  
Когда пастух зовет стада, звуча  
В долины гор своим певучим рогом, —

Так охраняю тяжкий свой недуг  
В часы ночей протяжных и прозрачных.  
И зорек взор, и тонок острый слух:

Твои ль шаги? не Ты ль в одеждах брачных  
Идешь сюда, где облепив раба,  
Вокруг лежат страстей земных гроба?

## IX.

Вокруг лежат страстей земных гроба —  
Безумных дней кошмарные явления,  
Немые знаки злого озверенья,  
Каких досель не ведала борьба.

Не градом бурь побитые хлеба,  
Не молнией сожженные селенья.  
Призвала — смерть и мерзость запустенья  
Твоих сынов кровавая гульба.

Здесь проходили дьявольские рати,  
Как дикая и злая саранча.  
Гремели выстрелы и руки палача

Забыли счет мучительных распятий.  
Как жертву мира, хаос разрушенья  
Возносит к небу темный запах тленья.

Х.

Возносят к небу темный запах тленья  
Безмолвные в руинах города.  
И сеет свет высокая звезда —  
Благая весть о таинстве прощенья.

Но я молчу в пыли уничиженья,  
В тисках безумной муки и стыда.  
Ужели Ты ответишь кротким да  
На ужас небывалого паденья?

Но кто целует в сжатые уста?  
Чей голос нежный, полный сожаленья,  
Мне шепчет внятно: «Было три креста,

И три распятых ведали томленья.  
А ныне мир — голгофские места,  
Где жаждет смерть последнего мгновенья».

## XI.

Да! Жаждет смерть последнего мгновенья,  
Победы вечной над истоком зла.  
Когда мечом разрубят вязь узла  
Грядущие из мрака поколенья.

Когда восторг и радость достижения  
Плеснут лучи до каждого угла.  
И свиток свой совет слепая мгла  
Пред пламенным огнем Преображенья.

Еще крепка страстей земных броня,  
Еще сердца томятся в душном склепе,  
Но каждый рвет рукой дрожащей цепи,

Свободы стягом сердце осень.  
И громче мира крепкая мольба:  
Вот грянет гром и грозная труба!

## ХII.

Вот грянет гром, и грозная труба  
Прольет на землю весть освобожденья,  
И сбросим мы с гробов своих каменья,  
И древней смерти кончится косьба.

Сниму я венчик с воскового лба,  
Покину, мудрый, место заточенья.  
Сойду я в недра. В тайне обрученья,  
Паду зерном, чтоб выросли хлеба.

И все, что было там — вверху — пустыней,  
Что засыпало пеплом зеленыя,  
Здесь, в глубине, движение храня,

В земле сырой, начало злое вынет,  
И знаю я, что не напрасно ныне  
К желанной жизни призовет меня.

### ХШ.

К желанной жизни призовет меня  
Не творчество окованное мукой,  
Не страсти зов, грозящий злой разлукой,  
Не шумный блеск обманчивого дня.

О, нет, не к ним, что муча и дразня,  
Мой прежний путь вязали серой скукой,  
Что шли за мной безглазой и безрукой,  
И злой судьбой, в глухую ночь маня.

То боль была. То были в муках роды,  
Когда омыла кровь лицо свободы  
И Царство Духа приняло меня.

Мой путь второй — дары любви ответной.  
Ты примешь их с улыбкою приветной  
И вспыхнет свет последнего огня.

#### XIV.

И вспыхнет свет последнего огня,  
Лия потоком яростным сожженье.  
И остановится земли круженье,  
Как быстрый бег плененного коня.

О, мать-земля! С тобою у меня  
Одна душа, одно у нас движенье,  
Одной мечте свершали мы служенье,  
В пути своем, одной тоской звеня.

Обоих нас поила вечность бредом.  
Летели мы и был полет неведом,  
И мы вязали в цепи кольца лет.

Молились мы пред огненным чертогом.  
И пролил он желанный, милый свет  
На сон души, давно забытой Богом.



**К-ВО  
, СТРѢЛЕЦЪ**

**Готовятся къ печати стихи:**

**З. ДАВЫДОВА.  
О. НИКОЛЬСКОЙ.  
НАТ. КЛЕПЕРЪ.  
О. ФЕРЛИКОВСКОЙ.**

---

**Складъ изданій: Книжный Складъ бывш. Губернскаго  
Земства, Шоссейная, 28.**

---



Отпечатано въ типографіи Черниговскаго Губернскаго  
Совѣта Народнаго Хозяйства въ количествѣ 1000 экзем-  
пляровъ, въ томъ числѣ 100 именныхъ. Обложка работы  
художника *А. Ръзткова*. Марка издательства работы ху-  
дожника *Д. Влорова*. Гравироваль на мѣди *Г. Михелевъ*.

Стихотворения из сборника

**«КОНЬ  
И  
ЛАНИ»**

# К О Н Ъ И Л А Н И.

Александр Архангельский.  
Николай Ливкин. Ольга  
Ферликовская. М и л и ц а  
Гамалей. Федор Черский.  
Виктор Мерный.

Из-во  
„ВЕСЕННИЙ КОЛЛЕКТИВ“  
1921.

*Отпечатано в типографии  
К.-У. О. Полиграфического  
Отдела г. Ейска в количе-  
стве 450 экземпляров.*

Р. В. Ц.

Ейск. 1921 г.

## ТАБУНАМИ ГРОЗ.

Над старой жизнью, страдающей склерозом,  
Над слепыми часами скучающих дней,  
Мы промчимся грузными грозами,  
Табунами красных коней.

Задрожав, отпрянут путливые лани,  
Слезами наполнятся газелей глаза.  
Но разве нежной и тихой станет  
Весны небывалой гроза?

Взрывая протоптанные тропы,  
Под ударами бронзовых седоков,  
Домчимся к темницам Яги-Европы,  
Разбивая со звоном звенья оков.

Вылетайте, пленники, вольными птицами!  
Седлайте огненногривых коней!  
В книге грядущего новые страницы  
Вписывайте рукою новых дней!

## АВГУСТ 1920.

*Ангелине М.*

Выскочил август, как рыжий в цирке,  
Ведя на аркане вражеский десант.  
Опасность заткнула прожженные скукою дырки.  
Наступила веселая полоса.

Дни зазвенели настоящим звоном.  
Винтовки любовно прижались у плеча.  
Как отравленные псы, замолчали телефоны.  
Пели... Не спали по ночам.

Тревожно! Азартней картежных азартов!  
Но кто перед смертью посмеет робеть?  
Сегодня жив, а проснешься назавтра,  
Быть может, болтаться на фонарном столбе!

И любовная дружба стала четкой,  
Как смерть, проста и остра.  
И понятною жалость о том, что короткой  
Была напряженной поры игра.

## ТЕБЕ ТОСКУЮЩЕМУ.

Я верю — ты славный, ты нежный.  
Ты жалеешь раздавленного клопа.  
Но ты знаешь, сколько под саваном снежным  
Человеческих жизней на склонах Карпат?

Ты плачешь над лирическим рассказом,  
Читая часами нараспев стихи,  
Но скажи, ты плакал, когда удушливые газы  
Фабриковали тысячами слепых и глухих?

Ты видел убитых детишек лица?  
Или только мог от страха рыдать,  
Когда с неба стальные птицы  
Неслись бомбами в гнезда города?

Не жалуйся, милый, на нашу грубость.  
Не проси покоя в тоске овечьей.  
Мстители трубят победно в трубы.  
Око за око. Меч на меч.

## СКВОЗЬ ОСТРЫЙ СТРОЙ.

Сквозь острый строй обезумевших дней  
Пробегаю к земному раю.  
Города и селенья пылают в огне,  
И я сгораю, сгораю.

Этот жертвенный путь никто не повторит,  
Никто не сделает огненный прыжок.  
Ни один самый лучший крематорий  
Так хорошо не сожжет.

Под черным солнцем созревшей жатвой  
Колышется колос и ждет жнеца.  
И созревшее сердце, любовью сжатое,  
Пробегает сквозь строй к покою конца.



## ВО ИМЯ ДЕТСКИХ УЛЫБОК.

Новое новою мерою мерьте.  
Кропите грядущее алою кровью.  
Оправданное голгофской смертью  
Расцветет небывалою новью.

И томившиеся в склепе,  
И ослепленные лучами  
Разрубят тяжкие цепи  
Золотыми мечами.

Путь наш узкий и зыбкий,  
Не розы на нем, а тернии.  
Наши дела вечерние  
Озарят детские улыбки.

## В ШАХТАХ МОЕЙ ДУШИ.

В шахтах моей души  
Любовь разобрала залежи нежности.  
Осталась ярая ревность.  
Гремучим газом ее задушить!

Но бродит, бродит в подземных норах,  
Спотыкаясь о выступы прогнивших скреп,  
Пьяная, буйная ревность,  
Ругаясь, как обманутый вор.

Приостановится, бормоча проклятья  
Сквозь звенящий, зыбкий сон.  
И снова, цепляясь о стены,  
Начинает сгорбясь шагать.

Умри же скорее от голода,  
Покинутая любовью в подземной тиши!  
Умри, забытая ревность,  
В шахтах моей души!

## ЗАВЕЩАНИЕ.

Когда я умру, дорогие, не плачьте.  
Не надо надоевшей слезливой чепухи.  
Но белый флаг над могилой повесьте на мачте,  
Вместо панихиды пусть прочитают стихи.

Пусть оратор (но кратко!) пришедшим скажет,  
Что тут похоронен веселый поэт,  
Случайно захвативший на пляж,  
Вместо книги стихов, — пистолет.

Веселый самоубийца! Бронзовотелый!  
Влюбленный в солнце, в море, в горячий песок!  
Разве виноват он, что пуля сама захотела  
Вскочить в правый висок?

Не ищите в смерти ни слабость, ни силу,  
В сознании сделано это иль в слепоте.  
Но пусть весной на мою могилу  
Приходят влюбленные зачинать детей.

## Н. ГУМИЛЕВ. ПИСЬМО К А. АРХАНГЕЛЬСКОМУ

<Петербург. 20 сентября 1910 г.>

М.<илостивый> Г.<осударь>

Исполняя Вашу просьбу, пишу Вам о Ваших стихах. По моему мнению, они несколько ходульны по мысли, не оригинальны по построению, эпитеты в них случайны, выраженья и образы неточны. От всех этих недостатков, конечно, легко отделаться, серьезно работая над собой и изучая других поэтов, лучше всего классиков, — но пока Вы не совершили этой работы, выступление Ваше в печать было бы опасно прежде всего для Вас самих как для начинающего поэта. При сем я посылаю Вам Ваше стихотворенье с детальными примечаньями, которые должны пояснить Вам мою мысль.

В надежде на Ваши будущие успехи Н. Г у м и л е в.

Он стал над землей и горами<sup>1</sup>  
И глянул в бездонную высь.  
И Солнце, сжигая лучами<sup>2</sup>,  
Ему прошептало — Молись! —

Он ринулся в бездну немую<sup>3</sup>,  
Где змеи в изгибах свились<sup>4</sup>,  
И слышал Он просьбу глухую,  
Тревожную просьбу — Молись! —

И крикнул Он голосом диким<sup>5</sup>:  
— Зачем же мы жить родились?<sup>6</sup>  
Чтоб только молиться безликим?<sup>7</sup>  
— Да! Только молиться. Молись!

1. Земля и горы в данном случае одно и то же.
2. Сжигая *кого*? Кроме того, на высотах холоднее, чем в низинах.
3. «Немая бездна» — банальна. Вся строчка напыщена.
4. Какие змеи? Почему? Как можно свиваться в изгибах?
5. Дикий голос — заезженный романтизм.
6. «Жить родились» — плеоназм.
7. Великое. Безликое — у Бальмонта. Вряд ли безликих несколько, ведь тогда бы они имели «лик», как различье.

По построению стихотворенья напоминает Бальмонта: «Я спросил у свободного ветра» и Тютчева «Восток бледнел...».

## АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ

(1889-1938)

Краткий биографический очерк



А. Архангельский родился 4 (16) ноября 1889 г. в Ейске в семье Григория Алексеевича Архангельского и его жены Варвары Ивановны, урожд. Сафроновой. Согласно автобиографическим текстам, мать будущего пародиста была швеей, рано умерший отец — парикмахером.

После окончания в 1904 г. городского училища Архангельский стал учеником телеграфиста, а затем конторщиком пароходного общества. В 1907-1908 году провел 13 месяцев под арестом как участник революционного движения. В 1908-1909 гг. — конторщик в Ростове, в 1910-1914 гг. счетчик-статистик в Петербурге. Здесь Архангельский вращался в литературных и околослитературных кругах, посылал свои стихи на отзыв Н. Гумилеву, в 1913 г. встретился в доме Е. П. Иванова с А. Блоком (как записал Блок в дневник, «пришел г-н Архангельский со своей женой (не венчаны). Характерные южане, плохо говорящие по-русски интеллигенты, парень без денег, но и без власти, без таланта, сидел в тюрьме, в жизни видел много, глаза пря-

мые. Это все — тот “миллион”, к которому можно выходить лишь в броне, закованным в форму; иначе эти милые люди, “молодежь” с “исканиями” — растащит все твое, все драгоценности разменяет на медные гроши, все растеряет, разиня рот...»).

В 1914 г. Архангельский со своей первой женой П. И. Мининой перебрался в Чернигов, где занимал должность счетчика-статистика Оценочно-статистического бюро и собрал вокруг себя литературный кружок «Камин». В Чернигове же вышел первый и единственный сборник его лирики «Черные облака».

В 1920-1921 гг. Архангельский редактировал в Ейске местную газету «Известия», публикуя в ней под собственной подписью и различными псевдонимами статьи, заметки, корреспонденции и стихотворные фельетоны. В 1921 г. подборка А. Архангельского открыла сборник ейских поэтов «Конь и лани».

В январе 1922 г. Архангельский поехал в Москву делегатом Всероссийского съезда РОСТА. После съезда остался в Москве, поступил на работу в редакцию «Рабочей газеты». С тех пор сотрудничал в многочисленных периодических изданиях («Крокодил», «Бегемот», «Красный перец», «Смехач», «Огонек», «Красная нива», «Вечерняя Москва», «На литературном посту»), выпустил свыше десятка небольших юмористическо-сатирических сборников.

К концу 1920-х гг. основным жанром Архангельского стала пародия; с 1927 г. сборники его пародий, зачастую в сопровождении карикатур Кукрыниксов, издавались неоднократно, однако из них исключались пародии на репрессированных «врагов народа» (наиболее полное издание пародий и эпиграмм А. Архангельского вышло лишь в 1988 г.).

Был женат вторым браком на Фире Абрамовне (Эстер) Рейзер (1905-1980).

Умер от туберкулеза. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

---

Стихотворения А. Архангельского публикуются по первоизданиям с сохранением авторской пунктуации, письмо Н. Гумилева — по тому 8 ПСС (М., 2007).

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.